

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

С.Г. Иванов

Рассматривается внешнеполитическая составляющая процесса борьбы с коррупцией в Кыргызской Республике.

Ключевые слова: коррупция, борьба, МФО, КР.

Условия перехода к рыночной системе хозяйствования создавались в директивном порядке в рамках провозглашенной в СССР в 1985 г. “гласности” и “перестройки”. Возникшая информационная вседозволенность, слом административно-командной системы, усложнение и резкое увеличение потребностей общества на фоне трансформации массового сознания способствовали росту уровня коррупции в кыргызском обществе. В условиях правового “вакуума” возрастал “социальный заказ” на предпринимательские услуги, что вело к росту дефицитов и массовых хищений, как фактическому и легитимному “перераспределению” продуктов труда, осуществлявшемуся в незаконных формах.

Изменения ценностных ориентаций участников экономических отношений, возникающие

вследствие роста социальных конфликтов, вели к массовому несоблюдению официальных норм (формируя в целом терпимое отношение к аномативному поведению) и распространению теневого (криминального) нормотворчества¹.

К экономическим преступлениям чиновников в начальный период реформирования экономики КР традиционно относят незаконную приватизацию ими государственных объектов, нецелевое использование кредитных ресурсов, сокрытие доходов, уклонение от налогов и т.д.

Причинами роста коррупции того периода являлись: бюрократические трудности для выхо-

¹ Пищулин В.Г. Развитие уголовно-правовой охраны предпринимательской деятельности в пореформенные десятилетия // Право: теория и практика. – 2003. – №01–02.

да на рынок при лицензировании предпринимательской деятельности, отсутствие инфраструктуры предпринимательства, неопределенный налоговый режим, сложности доступа к кредитным средствам и аренде необходимых объектов, бюрократизм органов, ведающих организацией рынка и осуществляющих контроль за соблюдением предпринимательского законодательства и т.д.

С момента своего возникновения вплоть до 90-х г. и МФО и ВБ заявляли о неполитическом характере целей своей деятельности. Коррупция представлялась МФО “слишком политизированной проблемой, чтобы ей заниматься”. Такая позиция позволяла ВБ работать с самыми коррумпированными диктаторами и политическими режимами мира, несмотря на критику со стороны ряда своих акционеров¹.

Впервые, о необходимости борьбы с коррупцией МФО заявили в 1996 г.² Несмотря на то, что ВБ заявляет о своем участии в борьбе с коррупцией “с самого ее начала”³, до этого момента МФО не высказывает о своем негативном отношении к коррупции в странах, выполняющих их рекомендации⁴. Не существовало никаких проектов, либо программ, нацеленных непосредственно на решение проблем коррупции. Кардинальное изменение позиции МФО представляется ими результатом ряда исторических событий⁵. Появляется еще один рычаг воздействия на постсоветские страны и страны “третьего мира”. Любой лидер, не выполняющий неолиберальные рекомендации МФО, может быть

¹ *Маркетт Х.* Изменение отношения ВБ ко взяточничеству порождает многоплановые и узкоцелевые стратегии // Журнал программы LGI. – 2004. – С. 2.

² Выступая на Ежегодном собрании ВБ и МВФ в 1996 г., президент ВБ Дж. Вульфенсон заявил, что “донорам” нужно “бороться с раковой опухолью коррупции”. (См.: *Wolfensohn, JD.* (1996) “1996 Annual Meetings Speech” Address to the Board of Governors, World Bank/IMF, Washington DC, 1 October; *Wolfensohn, JD* (1999) “A Proposal for a Comprehensive Development Framework: A Discussion Draft” 21 January: <http://www.worldbank.org/cdf/cdf.pdf>)

³ *Linn J.* The World Bank’s New Approach to Good Governance: Promises and Risks // *Transition Newsletter*. 2001. 12(2):– 1–3.

⁴ *Маркетт Х.* Указ соч. – С. 4.

⁵ Получили огласку несколько случаев мошенничества и коррупции со стороны высокопоставленных чиновников самих МФО в рамках проектов, ими финансируемых; некоторые страны-кредиторы не выполняли обусловленность полученных кредитных средств, что повлекло обвинение их в нецелевом, коррупционном использовании кредитов.

обвинен мировыми СМИ в коррумпированности. В обмен на устранение “авторитарных” (коррумпированных) правительств и обеспечение распространения “западной” демократии в этих странах предлагались новые льготные кредиты. “Помощь” оказывалась в форме “содействия” в организации выборов, судебной реформе, обучения работников средств массовой информации и поддержки гражданского общества.

В 60–70-е гг. группа ученых говорила о непосредственной связи между реформированием и коррупцией и отстаивала точку зрения о том, что “коррупция, судя по всему, существует и процветает на одних и тех же этапах развития государств, не взирая на культурные различия”⁶. Эти “функционалисты”, представителем которых был Хайденхаймер⁷, полагали, что коррупция способствует социальной и политической интеграции в обществе во времена перемен, удовлетворяя те потребности, которые обойдены официальными средствами. Лейс⁸ и Лефф⁹ считали, что взятки могут снять барьеры, устанавливаемые неэффективной бюрократией, а Най¹⁰ рассуждал о том, как коррупция может работать на политическое развитие через содействие экономическому развитию: основные игроки не растрачивают ресурсы, а в случае отсутствия коррупции начнутся отток капитала, неэффективное инвестирование, потеря навыков или утрата зарубежной помощи¹¹.

В первые годы преобразований в КР коррупция сыграла определенную позитивную роль. На первоначальных стадиях, в условиях полной неопределенности, культурно приемлемые “подарки” и платежи позволили функционировать малому и среднему бизнесу, избегая криминальных крайностей. В условиях неоднозначности и даже

⁶ *Ben-Dor G.* Corruption, Institutionalization, and Political Development // *Comparative Political Studies*, 7(1), 1974, p. 63–83.

⁷ *Heidenheimer A.* (ed.) *Political Corruption: Readings in Comparative Analysis.* – New York: Holt, Rinehart & Winston, Inc., 1970. – P. 540.

⁸ *Leys C.* What is the Problem about Corruption? // *Journal of Modern African Studies*, 1965, 3(2): 215–224.

⁹ *Leff N.* Economic Development through Bureaucratic Corruption // *American Behavioral Scientist*, 1964, 8(3): 8–14.

¹⁰ *Nye J.S.* Corruption and Political Development: a Cost-Benefit Analysis // *American Political Science Review*, 1967, 61(2): 417–427.

¹¹ Доноры в поисках правильного подхода к проблеме коррупции // Государственное управление в переходных экономиках. – 2004: <http://lgi.osi.hu/publications/newsletter/2001>

противоречивости законодательных, нормативно-правовых актов и налоговых норм, либо их полного отсутствия чиновники руководствовались здравым смыслом. Возникла неофициальная тарификация, которая помогала устранить неопределенность в правовых нормах, ускорять регистрацию, преодолевать различные (чаще всего искусственно созданные) ограничения или снижать непомерные налоговые требования.

Дж. Скотт предполагал, что «коррупция может рассматриваться в более выгодном свете как один из множества процессов политического влияния, а не как простое злоупотребление служебным положением в нарушение норм жизни общества». Он писал, что в странах с низким уровнем развития и концентрацией власти и богатства в руках немногочисленной элиты большинство населения имеет большие возможности влияния на политиков на «стадии внедрения решений», то есть после принятия законов, а не на стадии подготовки законодательства¹.

Еще в 1968 г. С.Хантингтон писал, что «быстрые темпы социально-экономической модернизации сопровождаются высоким уровнем коррупции, что помогает сбалансировать ряд дестабилизирующих факторов, вызванных этими стремительными переменами». Он отмечал, что «коррупция может усилить политическую систему путем усиления оппозиции, которая в ином случае была бы лишена доступа к государству, причем даже в тех случаях, когда коррупция ослабляет политическое развитие»².

Современная позиция МФО по отношению к проблемам коррупции базируется на разработках ряда ученых, преимущественно экономистов. Они развили идею об «извлечении ренты», определенной ими как «ситуация, когда люди используют ресурсы как в производительных целях, так и для обретения преимуществ в распределении выгод от осуществления экономической деятельности»³.

¹ Скотт Дж. Анализ коррупции в развивающихся странах // Социально-антропологический подход к исследованию коррупции / Сост. и отв. ред. И.Б. Олимпиева, О.В. Паченков. – СПб.: Алетейя, 2007.

² Huntington S. Political Order in Changing Societies, New Haven: Yale University Press, 1968; Huntington, S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century, Norman: University of Oklahoma Press., 1991.

³ Мюрдаль (Myrdal) Гуннар (6.12.1898 г. – 17.05.1987 г.) – лауреат премии памяти Нобеля по экономике, совместно с Фридрихом фон Хайеком, 1974 г. (См.: <http://n-t.ru/nl/ek/myrdal.htm>); Myrdal G. Corruption: Its Causes and Effects, New York: Winston, Inc. 1970; Krueger A. The Political Economy of the Rent-Seeking Society // The American Economic Review, 1974, 64(June): p. 291–303.

Коррупция, предполагающая извлечение ренты (взятничество, плата за ускорение рассмотрения вопросов чиновниками, контрабанда, теневая экономика и т.д.) не сокращает бюрократию и не открывает государство для не имеющих к нему доступа, а создает «дополнительные издержки» при операциях с участием государства. Вместо ускорения операций извлечение ренты стимулирует государственных служащих замедлять операции, чтобы иметь возможность собрать большее количество дивидендов.

На основе именно этого подхода к влиянию коррупции на развитие, консультанты ВБ Роуз-Аккерман⁴ в 1978 г. и Клитгаард⁵ в 1988 г. разработали концепцию, предполагающую, что только неолиберальный свободный рынок играет определяющую роль в борьбе с высоким уровнем коррупции и что «стимулы к коррупции являются практически неизбежным следствием всех государственных попыток контролировать рыночные силы»⁶. Коррупция рассматривается ими преимущественно как взятничество. Предложены решения, которые сегодня используются ВБ и другими МФО. Их смысл заключается в «борьбе с коррупцией в рамках собственных проектов и в готовности: закрыть проекты при выявлении случаев злоупотреблений; поддерживать международные инициативы по сокращению взяточничества и внедрению единых финансовых стандартов». «ВБ мог бы отобрать несколько стран с поддерживающими данные идеи правительствами, чтобы совместно работать с ними в области разработки программ, которые впоследствии послужили бы примерами для других. Представители государств, работая со ВБ должны разрабатывать программы, снижающие стимулы к коррупции, способствующие реформированию системы государственной службы, открывающие власти для внешнего контроля, а также усиливающие позиции формальных институтов надзора и контроля».

В 1994 г. ВБ наметил сферы работы, которые должны были «играть роль в борьбе с коррупцией» посредством «сокращения возмож-

⁴ Rose-Ackerman S. Corruption: A Study in Political Economy, New York: Academic Press, 1978; Rose-Ackerman S. The Role of the World Bank in Controlling Corruption // Law & Policy in International Business, 1997, 29(1): 93–114; Rose-Ackerman S. Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform, Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

⁵ Klitgaard R. Controlling Corruption, Berkeley: University of California Press, 1988.

⁶ Rose-Ackerman S. Corruption: A Study in Political Economy. p. 9.

ностей для извлечения ренты путем упрощения правил и замены административных механизмов рыночными”. В число этих сфер деятельности входили реформирование режима торговли, налоговая реформа, регуляторная реформа, приватизация, реформа системы государственной службы, реформа системы государственных закупок и модернизация бухгалтерского учета в государственном секторе. По сути, “борьба с коррупцией” провозглашалась МФО дополнительным стимулом при проведении постсоветскими странами-кредиторами рекомендованных МВФ и ВБ макроэкономических стабилизационных программ монетаристского характера.

Только с 1997 г. начали появляться комплексные программы системных займов ВБ, направленные исключительно на борьбу с коррупцией (устранение части стимулов и возможностей для коррупционного поведения).

В 1990 г. генеральный советник и руководитель группы юридических консультантов ВБ Ибрагим Шихата, ответственный за трактовку уставных статей этой организации изложил пять аспектов деятельности, запрещенных статьями Устава организации: «ВБ не может руководствоваться политическими мотивами своих членов; он не может вмешиваться во внутреннюю или внешнюю политику своих членов; он не может действовать от имени стран-доноров с целью влияния на политическую ориентацию или поведение страны-реципиента; он не может позволять политическим факторам влиять на свои решения, за исключением тех случаев, когда прослеживается “очевидный” экономический эффект¹; его сотрудники не должны строить свои оценки на основании вероятной реакции отдельных членов ВБ».

Выступая в 2000 г. перед представителями ряда НПО, президент ВБ Дж. Вульфенсон объяснил, как банк заинтересован борьбой с коррупци-

¹ И. Шихата считал, что «вопрос, традиционно рассматриваемый как “политический”, нельзя превратить в экономический лишь по причине возможных незначительных экономических результатов» (См.: *Shihata, Ibrahim* The World Bank in a Changing World: Selected Essays, Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1991. p. 84.) Несмотря на это, «многие из тех проблем, которые ВБ считает “экономическими” и поэтому заслуживающими внимания, еще десятилетие назад не считались бы таковыми». (См.: *Blackden, CM.* Human Rights, Development, and the World Bank: Economics vs. Politics? // *Trialogue*, 1996, April. p. 3; *Marquette, H.* Corruption, Politics and Development: The Role of the World Bank, Basingstoke: Palgrave, 2003.)

ей: «Слово “коррупция” во ВБ стали употреблять лишь три года назад. Коррупция имеет не политический, а социально-экономический характер»². Вульфенсона публично поддержало правительство США, которое расценило “чрезмерно ограничительную трактовку уставных норм в отношении неэкономических направлений деятельности”, а также “нежелание” ряда исполнительных директоров заниматься этим вопросом как “причины недостаточного внимания к коррупции в прошлом”³. И. Шихату был снят Вульфенсоном с должности генерального советника, и в конце 90-х гг. ВБ заявил о включении в сферу своей деятельности политических вопросов.

Коррупция в КР причиняет ущерб нормальному функционированию экономики, прежде всего его банковской⁴ и финансово-кредитной системе, а также создает условия для вовлечения в правонарушения все большее количество граждан⁵. Однако коррупция в высших эшелонах власти, и мелкомасштабная коррупция имеют различную мотивационную основу.

Наибольшую опасность представляет коррупция “20% населения, составляющего элиту общества, влияющую на принятие решений”⁶.

² *Wolfensohn, JD.* NGO Meeting with Mr. Wolfensohn // Prague, 2000, 22 September; *Hoyos, C* James Wolfensohn’s self-created storm // *Financial Times*, 2001, 30 January.

³ Center for Strategic and International Studies (CSIS) The United States and the Multilateral Development Banks, Washington DC: The CSIS Press. 1998. p. 40; Berlin: Transparency International. USGAO World Bank: Management Controls Stronger, but Challenges in Fighting Corruption Remain // Report to Congressional Committees, GAO/NSIAD-00-73, April. 2000.

⁴ Неэффективный надзор со стороны НБ КР, его действия привели к тому, что за 1997–2001 гг. прекратили свою деятельность 13 КБ, в том числе – АКБ “Меркюри”, АКБ “КыргызКРАМДСбанк”, АГБ “Бишкек”, АКБ “Максат”. В 2000 г. были отозваны лицензии у банков “Инсан”, “Акыл”. В 2002 г. отозвана лицензия у банка “Курулуш”. (См.: *Пронская Н.С.* История становления банковской системы: www.bankir.kg). Ни один из руководителей обанкротившихся банков, которые фактически расхитили средства, не привлечены к ответственности. (См.: *Идинов К.И.* Экономическая преступность: теория и практика. Сб. научн. тр. ИНО при БГУ. Проблемы стабилизации экономики. – Бишкек, 2002. – С. 53.)

⁵ *Яни П.* Проблемы уголовной ответственности за экономические преступления // *Законность*. – 2001. – №1. – С. 3–4.

⁶ *Industrial Competitiveness in the Knowledge – Based Economy*, OECD. Paris, 1997.

В 1940 г. феномен “беловоротничковой преступности” был исследован американским криминологом Э.Сазерлендом, который определил его как “комплекс правонарушений, совершаемых уважаемыми лицами с высоким социальным статусом в рамках их профессиональных обязанностей и с нарушением доверия, которое им оказывается”¹.

В условиях перенасыщения собственных рынков и удовлетворения совокупного спроса внутри своих государств западные экономические акторы нуждаются в расширении рынков, в том числе и за счет постсоветских стран. Проведенная в КР под руководством МФО одномоментная либерализация цен, законодательно не обеспеченная приватизация, снижение социальных государственных расходов и заработных плат государственных служащих в совокупности с масштабной идеологической обработкой способствовали резкой запланированной стратификации кыргызского общества по имущественному признаку и запрограммированному образованию его элиты. Ранее, схемы создания и управления коррумпированной элитой отрабатывались в Панаме, Эквадоре, Боливии, Аргентине и прочих патронированных МФО странах. Коррупция политической и исполнительной власти (в том числе путем прямого подкупа) позволила западным ТНК законодательно легитимизировать и практически осуществлять разграбление этих стран.

Однако созданная западом элита кыргызского общества оказалась не управляема на корпоративном уровне. Не были учтены родо-клановые, общинные, трайболистские особенности ментальности кыргызского народа. Необходимость привлечения иностранных инвестиций на протяжении всей новейшей истории провозглашается основополагающей стратегической задачей всех правительственных программ развития КР. Но именно коррупция явилась главенствующим фактором, с одной стороны, препятствующим привлечению добросовестных прямых инвестиций в реальный сектор экономики республики, а с другой – ограничивающей экспансионистские экономические устремления западных ТНК.

“Высокий уровень коррупции серьезно повлияли на экономическую и политическую ситуации в республике. Она отрицательно влияет

¹ Шнайдер Г. Криминология / Пер. с нем. Л.О. Иванова. – М.: 1994. – С. 44. В последующем американские авторы начали использовать для обозначения предпринимательских преступлений термины “служебная и коррупционная преступность”, а также “корпоративная преступность”.

на проводимые социально-экономические преобразования, функционирование рыночной экономики и на инвестиционный климат”. Меры по борьбе с коррупцией были предусмотрены в Национальной стратегии развития страны по 2010 г. Было создано национальное агентство по предупреждению коррупции и национальный Совет, в котором работали представители всех ветвей власти. Также была ратифицирована Конвенция ООН по борьбе с коррупцией, издан ряд указов экс-президента КР². Независимая комиссия по борьбе с коррупцией (НКБК) Гонконга с момента создания (1974 г.) привлекла внимание МФО результатами своей работы³. Часть создателей НКБК сегодня являются консультантами МФО и правительств, заинтересованных в создании национальных моделей НКБК в своих странах. Схема работы НБРБ явилась основой создания и функционирования Национального агентства КР по борьбе с коррупцией⁴.

Осознав ущерб, наносимый коррупцией интересам самого Запада, под руководством различных американских и международных структур были разработаны и профинансированы программы, направленные на борьбу со злоупотреблениями служебным положением чиновниками в экономической сфере. Был издан ряд Законов, Указов, распоряжений и прочих законодательно-нормативных актов, направленных на упрощение разрешительной системы, борьбу с трайболизмом в корпоративной сфере и злоупотреблениями чиновников, упорядочение контрольно-ревизионного надзора за деятельностью бизнеса и т.д. Однако даже тот факт, что Национальное агентство КР по предупрежде-

² Борьба с коррупцией в Кыргызстане. Проблемы и перспективы // Международная конференция. – Бишкек: tazar.kg, АКИпресс. – 05.06.08, 16:26: <http://www.tazar.kg/news.php?i=8874>

³ Результаты работы НКБК в Гонконге: в 1974 г. 45% сообщений о коррупционных действиях касались полиции. В 1994 г. – 18%. В 1977 г. 38% жителей считали коррупцию широко распространенным явлением. В 1994 г. – 7,8%. (См.: De Speville, В The Experience of Hong Kong, China, in Combating Corruption: in R. 1999, p. 52).

⁴ В целях повышения эффективности и устойчивости антикоррупционной политики, выработки принципиально новых подходов к борьбе с коррупцией и системных мер, нацеленных на предупреждение коррупции, 21.10.2005 г. Президент КР подписал Указ “О безотлагательных мерах по борьбе с коррупцией”, предусматривающий образование Нац. агентства КР по предупреждению коррупции и специального наблюдательного органа – Нац. совета КР по борьбе с коррупцией. (См.: <http://www.stopcorruption.kg/>)

нию коррупции¹ (НАПК) находилось в прямом подчинении у Президента КР ощутимых результатов не приносило. Кроме того, в рамках реформирования государственной службы НАПК было выведено из подчинения экс-президента К. Бакиева и передано в состав вновь образованной Государственной кадровой службы КР.

И сегодня «чиновники являются владельцами коммерческих организаций или входят в советы директоров акционерных обществ и компаний. В связи с чем происходит сращивание государственной службы с предпринимательством, что представляет собой узаконенную коррупцию. Подобная практика ставит должностных лиц в ситуацию постоянного конфликта личных, корпоративных и государственных интересов, являющуюся основой коррумпированности»².

Борьба с коррупцией, как общественно-опасным явлением, наносящим урон национальной экономической безопасности кыргызского народа, в конечном итоге сводится к проявлению воли политическим руководством республики. Для этого необходимо сделать доступной для общественного контроля деятельность министерства финансов, НБ КР, Госагентства по закупкам и прочих структур, имеющих отношения к организационным, распределяющим и контролирующим сегментам национальной экономики. Несмотря на различные мотивационные основы, сегодня по вопросу борьбы с коррупцией национальные интересы кыргызского народа согласуются с позицией МФО. Черил Грэй, руководитель сектора региона ЦА ВБ считает, что «сильное лидерство – это ключевое оружие в борьбе против коррупции. Каждая страна, которая добилась измеримого прогресса в снижении коррупции, имела сильного лидера, который определил прозрачность и подотчетность ключевыми приоритетами»³. Посол ОБСЕ в КР Тезерье Эндрю по этому вопросу высказывается следующим образом: «можно придумать много различных методов борьбы с коррупцией, однако они принесут результат, если будет осуществляться хорошее политическое управление и будет политическая воля власти. ОБСЕ всегда будет поддерживать КР на пути искоренения коррупции»⁴.

¹ Утверждено Указом Президента КР 21.10.2005. – Положение №476.

² Интервью с комиссаром НАПК С. Жапаровым. (См.: ИА АКИpress. – Akipress.kg: <http://www.for.kg/goid.php?id=78081&print>)

³ Отчет ВБ. – <http://web.worldbank.org>

⁴ Борьба с коррупцией в Кыргызстане. Проблемы и перспективы // Международная конференция. –

МФО с момента своего возникновения, фактически являясь организациями политическими, заявили об этом только в 1996 г. Мотивировалось данное обстоятельство необходимостью борьбы с коррумпированной политической элитой стран-получателей кредитов МВФ и ВБ. Критерии, по которым политическая система той или иной развивающейся страны относится к «демократической», либо «коррумпированной авторитарной», разрабатывались и используются экспертами самих этих МФО. Мировые олигархические круги, используя систему обусловленности кредитования МФО, способствовали формированию коррумпированной элиты кыргызского общества путем стимулирования резкой имущественной дифференциации его граждан, с целью облегчения доступа к ресурсам страны и упрощения порядка их использования западными ТНК по латиноамериканскому опыту. Однако общинные особенности ментальности кыргызской политической элиты не согласуются с западной индивидуалистической корпоративной культурой, что вошло в противоречие с практикой подкупа западными экономическими акторами политических лидеров слаборазвитых стран. Вследствие этого, с 1997 г. МФО, вопреки положениям собственных уставных документов, открыли финансирование антикоррупционных программ в постсоветских странах, что совпало как с интересами их политического руководства, так и с общественными национальными интересами. В КР на современном этапе развития борьба с коррупцией осуществляется в полном соответствии с рекомендованным МФО набором мероприятий. Однако, вопреки декларируемым целям, практические результаты этой борьбы не выходили за рамки выявления фактов мелкомасштабной коррупции. Малые масштабы государства позволяют политическому руководству КР взять под личный контроль борьбу с коррупцией в «высших эшелонах власти», продолжающей наносить урон национальным интересам республики.

Продвигаемые МФО программы информирования общественности способствуют открытому обсуждению проблем коррупции, борьба с которой должна из разрозненного набора инициатив превратиться в поле деятельности государства, политического руководства и гражданского общества. Руководящую роль на этом поле должны играть не МФО, а сами страны, которым необходимо критично подходить к предлагаемым шаблонам программ.

Бишкек. tazar.kg, АКИpress. – 05.06.08, 16:26 – <http://www.tazar.kg/news.php?i=8874>